

В. И. Дмитриева

**МАЛЫШ
И ЖУЧКА**

*Издательство
"Детская литература"*

Школьная библиотека для нерусских школ

В. И. ДМИТРИЕВА

МАЛЫШ И ЖУЧКА

РАССКАЗ

Москва

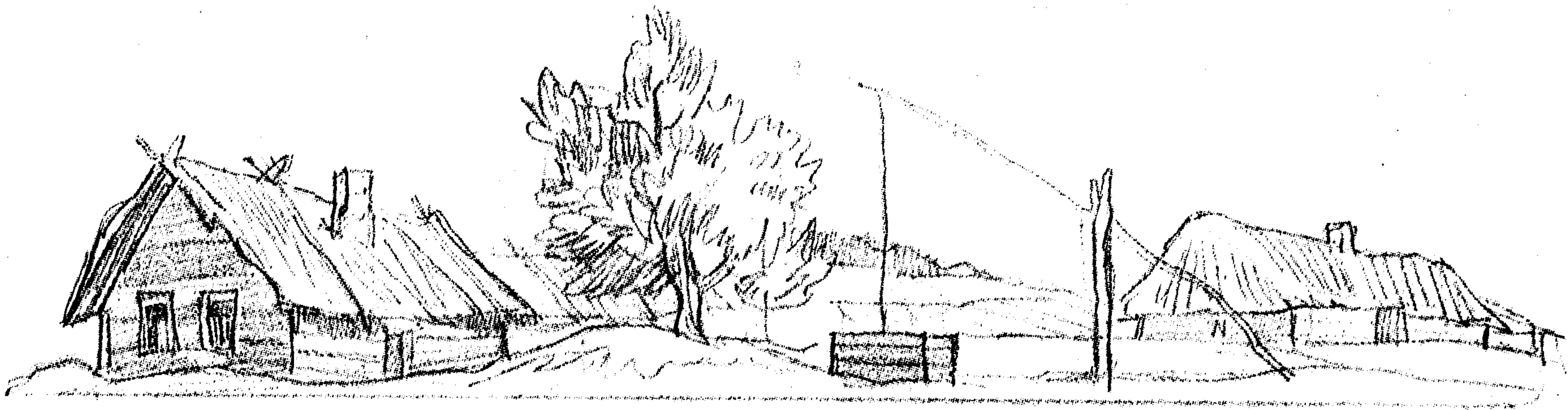
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1977

Р2
Д53

РИСУНКИ О. ДЕМИДОВОЙ

Д $\frac{70802-004}{M101(03)77}$ 457-77

В. И. ДМИТРИЕВА

(1859—1948)

Это было давно. В 1872 году.

Тринадцатилетняя крестьянская девочка в глухой деревушке Тамбовской губернии торжественно объявила отцу и матери, что едет в город поступать в гимназию.

Неожиданное известие ошеломило родителей, и ей не поверили.

Но девочка показала письмо. В нём говорилось, что ей нужно быть в Тамбове к 8 августа: в гимназии начинаются экзамены.

Дочка знала грамоту и любила больше всего на свете книги, но нигде не училась.

Её старший брат готовится в гимназию с учителем. Богатый сосед из милости учит его вместе со своим сыном.

Как же дочка будет сдавать экзамены?

Оказалось, что она уже давно тайно от всех на полутёмном чердаке сама без всякой помощи одолевает арифметику, грамматику, географию.

Выяснилось, что старший брат прислал сестре учебники, а преподаватель, узнав о её жажде учиться, поддержал своими советами.

Письмо об экзаменах прислала девочке знакомая гимназистка, предварительно всё уладив в гимназии.

Этой девочкой была Валентина Ивовна Дмитриева.

Неслыханное было дело в те времена девочке, да ещё из бедной семьи, отважиться на такой поступок.

Но уже тогда определился её характер: исключительно упорный, волевой, целеустремлённый, смелый.

Эти душевные качества помогли В. И. Дмитриевой успешно окончить гимназию, а затем медицинские курсы в Петербурге; они помогали ей бороться с косным, тупым начальством за интересы крестьян, когда она работала сельской учительницей и земским врачом; они помогали ей, преодолевая страх смерти, спасать людей от тяжёлых болезней: холеры, тифа, дифтерита.

Уже зрелым человеком, с большим жизненным опытом, В. И. Дмитриева стала писательницей.

Её рассказы и повести о простых русских людях печатались часто в журналах того времени.

В этой книге вы прочтёте замечательный рассказ о жизни крестьянского мальчика Малыша. Он был написан В. И. Дмитриевой в 1896 году.

I

Когда мать Малыша, Федосья, привела его в первый раз в школу, учительница с удивлением сказала:

— Какой маленький! Сколько же ему лет?

— Седьмой годок пошел, — сказала Федосья.

Учительница покачала головой:

— Нет, матушка, я не могу его принять. У нас в школе и так тесно, большим места нет, а вы еще младенцев будете приводить. Куда я с ним денусь? Нет, не могу!

— Примь, пожалуйста! — просила Федосья. — Что делать, родимая, уж очень мне с ними трудно!

Муж у меня помер, осталась я сиротинкой, а детей-то семеро, мал малá меньше, да все девочки. Просто голова кругом идёт! Ну, девчонок-то я за дело посажу, а вот этот озорник останется один да и вёртится под ногами. Примí, Анна Михайловна, пусть он хоть у тебя позаймётся!

Анна Михайловна молчала и глядела на Малыша. Он стоял перед ней такой крошечный, в рваном полушубке, с огромной, должно быть отцовской, шапкой в руках и серьёзно глядел на неё своими большими серыми глазами. Нос пуговкой смешно торчал кверху; белые, как лён, волосы завивались кудряшками.

— Да что же я с ним делать буду? — сказала она улыбаясь. — Ведь он, я думаю, и говорить-то ещё не умеет!

— И, что ты, родимая! — воскликнула Федосья. — Ты не гляди на него, что он мал, — он шустрый такой, беда! А учиться страсть охотится, всё пристаёт: «Матушка, отведи меня в школу!» Ну, Федюня, — обратилась она к Малышу, утирая ему нос пальцами, — что же ты молчишь? Поговори с тетенькой, а то, вишь, она думает, что ты у меня немой!

Малыш потянул в себя носом, махнул шапкой и сказал:

— А у меня Жучка есть!

— Это ещё что за Жучка? — смеясь, сказала учительница.

— Да это он про собачку, — отвечала за него мать, ободрённая тем, что учительница развесели-

лась. — Собака у нас, Жучка, и собачонка-то дрянная, а вот, поди ты, привязалась, так за ним и бегает! Водой не отольёшь!

— И вовсе не дрянная! — обиженно возразил Малыш. — Она хорошая! И служить умеет и... Да вот она!..

И Малыш показал на окно, в которое с улицы заглядывала косматая, вся в репьях, с взъерошенными ушами собачья морда.

— Ишь, сидит! — с удовольствием сказал Малыш. — Это она нас дожидается! Эй, Жучка!

И, к ужасу своей матери, он вдруг засвистал что было сил.

— Ах ты озорник! Ах ты разбойник! — засуетилась мать. — Что ты делаешь, озорник? Что о тебе тётенька-то подумает? А? И в школу не примет.

Но Анна Михайловна смеялась до слёз и над Малышом и над его Жучкой, которая на свист хозяина отвечала с улицы радостным лаем.

Посмеявшись, она сказала:

— Ну хорошо, так и быть, присылай его в школу. Вот я его вышколю!

— Хорошенько его, Анна Михайловна, чтобы не озорничал! Слышишь, Федюнька, в школу будешь ходить к тётеньке!

— Ну что ж! — согласился Малыш, опять потянув носом.

— Учись хорошенько, слышишь? Да поблагодари ещё, что она тебя учить будет. Слышишь?

— Слышу небось!

Онѣ вышли.

Жучка с радостным визгом бросилась к ним и первым делом облизала Малышу всю рожицу.

Анна Михайловна, стоя у окна, слышала, как он говорил ей, нахлобучивая на голову шапку:

— Ну, Жучка, я в школу поступил! Ты теперь ко мне не лезь!

Жучка от восторга перекувыркнулась и с громким лаем помчалась по улице, а Малыш, заложив руки в карманы, важно выступал вслед за матерью, и его крошечную фигурку чуть видно было из-под лохматой отцовской шапки.

II

Когда на другой день Малыш явился в школу со своей верной Жучкой, ученики встретили его смехом и шутками:

— Гляди-ко, братцы, великан какой! Ай да богатый! А шапка-то, шапка-то, словно у Ильи Муромца! И собака с ним... Вот так собака! Ха-ха-ха!

Малыш не обращал внимания на эти насмешки и только фыркал носом. Пусть их смеются! А ну-ка, у кого из них есть такая собака, как Жучка? И шапка тоже ничего. Ее еще покойный батя носил — хорошая шапка, теплая, из овчины. А что он сам маленький, так это не беда — еще вырастет!

Но Анна Михайловна вступилась за Малыша.

— Не смейте обижать Малыша! — прикрикнула она на насмешников. — Маленьких обижать нельзя.

— Ты, тётенька, его с девочками посади! — посоветовал кто-то из самых отчаянных шалунов.

Все опять засмеялись.

— А вот я тебя самого сейчас к доске посажу! Вот и стыдно будет одному у доски сидеть. Большой, а шалишь!

Шалуны присмирели и только между собой перешёптывались, глядя на Малыша: «Малыш! И впрямь Малыш!»

Анна Михайловна посадила Малыша на переднюю скамейку, и учёнье началось. Старшие ученики делали задачи, а младшие учили буквы. И Малыш вместе с ними распевал: «А-а-а... М-м-а-а...»

А за окном, на завалинке, виднелась косматая голова Жучки, дожидавшейся своего хозяина.

Она сидела смиренно, словно понимая, что Малыш занят серьёзным делом, и только изредка поднимала вверх косматые уши, прислушиваясь к странным звукам, доносившимся до неё из школы.

Так начался для Малыша первый день его учёнья, и, возвращаясь из школы домой, он весело посвистывал и напевал про себя: «А-а-а! М-а-ма!»

Жучка шла с ним рядом и важно поглядывала по сторонам, как будто хотела сказать: «А что? Вот мы нынче какие — в школу учиться ходим!»

III

Малыш учился хорошо, и хотя учительница занималась с ним шутя и не требовала от него, чтобы он шёл наравне со всеми, но он не только не отста-

вёл от других, а ещё и перегонял многих. Одно ему никак не давалось — буква «ш». Как он ни старался, всё выходило у него вместо «каша» — «каса», вместо «Маша» — «Маса». Это его очень огорчало, особенно потому, что ученики подсмеивались над ним.

— Эх ты, каса-Маса! — дразнили они его исподтишка, когда он, весь красный от натуги, выводил тоненьким голоском: «Маса-а... варила касу-у...»

Малыш умолкал и обращался к учительнице:

— Тётяшка, что они всё смеются? Не вели им!

— Ничего, Малыш, — ободряла его Анна Михайловна. — Пусть себе смеются, а ты их не слушай. Вот погоди, через год ты лучше их будешь говорить.

— А, сто! — говорил Малыш с торжеством, обращаясь к товарищам.

— Сто! Сто! Каса-Маса! — слышалось ему в ответ сдержанное шипение.

И Малыш снова впадал в уныние.

Но это были маленькие неприятности, а вообще Малышу было в школе хорошо. Его все любили, и даже самые злые насмешники в перемену угощали его печёной картошкой, пышками с творогом или жареным горохом, который так приятно хрустел на зубах. Иногда перепадало что-нибудь и Жучке, которая тоже всем очень понравилась, особенно потому, что умела «умирать», подавать лапу и прятаться от волка. В перемену её обступала целая толпа, и Жучка никогда не уставала показывать свои фокусы, которыми научилась неизвестно где.

Ребята были в восторге.

— Ну собака! Молодец! — восклицали они. — И где это ты, Малыш, её достал? Ведь глядеть — неказиста, а поди ты, умная какая! Ай да Жучка!

Жучка и вправду была неказиста на вид. Вместо шерсти у неё висели какие-то грязные серые лохмотья, в косматых ушах и в облёзлом хвосте засели репьи, морда вся заросла, и только глаза у неё были хороши. Большие, прозрачные, жёлтые, как янтарь, они глядели так умно и внимательно, что казалось — вот-вот Жучка заговорит человеческим голосом.

Несмотря на то что Малыш жил очень далеко от школы, на самом конце села, за оврагом, он приходил в школу раньше всех.

В окна, занесённые снегом, едва-едва брезжит утренний свет, Анна Михайловна ещё лежит в постели, а в сенях уже слышится какая-то возня — кто-то осторожно обивает сапоги о порог. Потом дверь в школу тихонько отворяется, и до Анны Михайловны доносится знакомое пофыркивание носом.

— Это ты, Малыш? — спрашивает она из своей комнаты.

— Я, тётенька.

— Озяб?

— Не, я-то не озяб, а вот Жучка небось озябла, — отвечает Малыш.

Но Анна Михайловна знает все его хитрости и, улыбаясь, говорит:

— Ах, бедная Жучка! Ну что же,пусти её, пусть погрееется!

Малышу только этого и надо! Он отворяет дверь, и Жучка тихонько, поваливая хвостом в знак благодарности, прокрадывается в школу и ложится в уголке у печки.

Потом приходит соседка, которая топит печку, мёт в школе полы, ставит Анне Михайловне самовар и стряпает. Малыш помогает ей таскать солóму, и в печке весело вспыхивает огонёк, распространяя приятную теплоту. Жучка от удовольствия вздыхает и осмеливается даже забраться на солóму. Но соседка — женщина суровая, не любит баловства и гонит Жучку прочь:

— Пошла, пошла! Ишь ты барыня какая, разлеглась! Зачем собаку в избу пускаете? Она поганая.

— Ан врѣшь! — возражаёт обиженный Малыш. — Это кошка поганая, а собака не поганая.

— Ну, учи меня ещё!

Но Малыш не уступает, и они спорят до тех пор, пока не вскипит самовар.

Иногда случалось и так, что в разгаре спора соседка забывала вовремя снять с самовара трубу и кипящая вода с шипением и брызгами лилась через край. Начиналась суматоха: Малыш бросался снимать трубу, соседка искала крышку, испуганная Жучка пряталась под лавку. Анна Михайловна смеялась до слёз.

— Всё из-за тебя, озорник этакий! — ворчала соседка. — Гляди-ка, что наделали! Заговорила с тобой, и самовар ушёл!

— А ты в другой раз не спорь! — поддразнивал её Малыш.

— Ну, будет тебе, Малыш. Иди-ка лучше чай пить, — говорила Анна Михайловна.

Малыш не заставлял себя долго просить. Он снимал с себя полушубок и, оставшись в одной рубашке и полосатых синих штанах, входил к Анне Михайловне. Учительница ставила перед ним чашку чаю с молоком и клала большой ломоть ржаного хлеба. Малыш очень любил пить чай и пил его с чувством и удовольствием, причмокивая, откусывая крошечные кусочки сахара и заедая большими кусками хлеба. Хлеб он съедал весь до крошки, а сахар оставлял и, опрокинув чашку вверх дном, клал оставшийся кусочек на донышко и говорил: «Будя!»

Это повторялось аккуратно каждый раз, и каждый раз Анна Михайловна говорила Малышу:

— Малыш, а ты опять сахар-то оставил? Возьми его себе!

— Ну что ж! — говорил Малыш и, спрятав огрызок в карман своих полосатых штанов, прибавлял: — Я его Дунятке отнесу.

Дунятка была самая младшая сестренка Малыша, и он очень любил её. Когда вместо ржаного хлеба учительница давала ему баранки, он никогда не ел их, а непременно прятал и нес Дунятке.

— Да ты сам-то ешь, — упрощивала его Анна Михайловна. — Я тебе для Дунятки ещё дам.

— Ну, вот ещё, стану я их есть! — возражал Малыш. — Я небось и хлеба наемся: я большой, а Дунятка маленькая!

IV

Раз после учёнья Малыш, уже совсем одетый, подошёл к учительнице:

— Тётяшка, пойдём к нам?

— Пойдём.

— Ну, так я тебя на улице подожду, а ты выходи.

Ему не терпелось идти домой, да ещё с кем — с самой тетенькой! И он важно уселся на завалинке.

— Ты что же, Малыш, домой-то не идёшь? — кричали ему товарищи.

— Я тетеньку дожидаюсь! — отвечал Малыш с гордостью.

Ребята запустили в него снежками и побежали. Очень хотелось Малышу отплатить им тем же, но он стерпел: нельзя, сама тётенька к нему в гости идёт, а он будет снежками баловаться. Не маленький небось!

— Ну, Малыш, какого же гостинца мы Дунятке понесём? — сказала учительница, выходя на улицу.

Малыш почесал в затылке и, подумав немного, отвечал:

— Баранок!

— Ну хорошо, пойдём в лавку, купим баранок.

Пришли в лавку. Купили баранок и ещё белых мятных пряников, при виде которых у Малыша даже слюнки потекли.

— А это ты кому?

— Все Дунятке.

Больше он ничего не говорил. Никогда ещё этого с ним не бывало! Столько гостинцев сразу... Даже когда тятка покойный был жив, и то так не было. Принесёт, бывало, с базара петуха пряничного, или баранок, или маковников, а чтобы сразу и того и другого... нет, этого не бывало. А Дунятка, Дунятка-то вот обрадуется!..

Перешли через овраг и очутились в переулке, занесённом снегом. С одной стороны виднелись гумна со скирдами хлеба, а с другой — лепились крошечные избушки. Тут было глухо и пустынно, а вместо дороги в снегу вилась еле заметная тропинка.

— Вот и наша изба! — весело сказал Малыш,

указывая на утонувшую в снегу хатку с маленькими оконцами и покосившейся трубой на крыше.

Кое-как перебравшись через сугроб, они подошли к дверям, и Малыш с видом настоящего хозяина постучал кольцом. Жучка, почуя дом, радостно визжала.

— Это кто там? — послышался голос Федосьи.

— Это я, мамушка, с тетенькой пришёл! — отозвался Малыш.

Федосья отперла дверь. Они вошли в маленькую, тесную избу, в которой было уже совсем темно, потому что окна пропускали мало света. Старшая сестра Малыша, девочка лет тринадцати, сидела у печки и прядла. По лавкам бегали другие девочки, помоложе. В углу на шесте висела люлька, а в ней качалась маленькая хорошенькая девочка, похожая на Малыша. Это была его любимица — Дунятка. При входе Анны Михайловны она испугалась и заплакала, а девочки попрятались за печь.

— Хозяин пришёл! — крикнула одна из них, и из-за печки послышался смех.

— Ну, ну, не баловать у меня! — строго крикнул на них Малыш. — Это ведь они меня хозяином-то зовут! — обратился он к учительнице.

— Как же, и то ведь хозяин! — сказала Федосья. — Один ведь у нас мужик-то растёт, один работничек, кормилец будет!

Дунятка перестала плакать и с удивлением глядела на учительницу. Девочки в рубашонках тоже понемножку выползли из-за печки и обступили гостью, ощупывая её платье, платок и даже волосы.

Когда она развязала свой узелок и выложила на стол гостинцы, восторгу не было конца.

— Смотри-ка, баранков-то сколько! — шепнула одна.

— А пряники-то! — воскликнула другая.

— И мне, и мне! — закричала Дунятка.

Пришлось и её вытаскивать из люльки. И пошёл в Федосьиной избе пир горой! Давно такого не бывало. Всех довольнее и веселее был маленький хозяин. Он так разошёлся, что вздумал было поплясать, но тут ему под ноги подвернулась Жучка; он перекувырнулся через неё, разбил себе о печку

нос, очень сконфузился и наконец преспокойно заснул рядом с Дуняткой, привалившись к материнскому плечу.

V

Наступили сильные холода, завалили сердитые метели и засыпали село огромными сугробами. Учеников в школе убавилось, потому что многие жили далеко от школы, у них не было теплой одежды и они поневоле должны были сидеть дома и дожидаться теплой погоды. Но больше всех в селе бедствовала Федосья со своими ребятishками. Ей было трудно справиться одной, без хозяина. Некому было отгрести снег от избы, некому привезти соломы с гумна, чтобы затопить печку и накормить скотину, некому достать хлеба для голодных детей. Поэтому она часто со всей семьей сидела в темноте, в холоде, без хлеба, а на дворе жалобно редела голодная корова.

Учительница помогала Федосье чем могла, но этой помощи было, конечно, мало, и бедная женщина выбивалась из сил.

Малыш продолжал ходить в школу. Когда разгуливалась вьюга или трещал мороз, учительница оставляла мальчика в школе ночевать.

Тихо и мирно проходили у них эти вечера. На дворе воет ветер, в окна сыплет снег, а в школе тепло, светло и уютно. На столе ярко горит лампа; Анна Михайловна читает книжку, а Малыш сидит

напрóтив неё и, вы́сунув язы́к, пи́шет б́уквы на а́спидной доске¹.

Жу́чка то́же здесь, лежи́т у пёчки, легóнько похра́пывает и бредит во сне. То зала́ет жа́лобно, то зарычи́т: должно́ быть, во́лки сня́тся. Но Ма́лыш и про Жу́чку забы́л — так углуби́лся в свою́ рабо́ту. Иногда́ он отодвигáет от себя́ до́ску и издали любу́ется на вы́веденные им б́уквы. Они́ ему́ о́чень нра́вятся; нужды́ нет, что б́уква «а» у него́ совсе́м свали́лась на́бок и сло́вно хромáет, а б́уква «о» похóжа на витóй крэндель. Впрóчем, Ма́лыш сейча́с же замечáет все недоста́тки своёй рабо́ты и начина́ет их исправля́ть, разгово́ривая с б́уквами вслух.

— Постóй, постóй! — шéпчет он, изо всех сил скрипя́ гри́фелем. — Ты чего́ рот-то рази́нула, нешто́ это хорошо́? Да́й-ка я тебе́ его́ закро́ю... Ну вот! А э́та что хвостóм-то завиля́ла? Не виля́й, не виля́й... Ну, захромáла! Постóй, я тебя́ сейча́с подку́ю... Во-во-во́ как!..

И, «подкова́в» непослу́шную б́укву, он обра́щается к Анне Миха́йловне:

— Ну́-кося, тётенька, поглядí. Хорошо́? А?

— Хорошо́, — отвечáет учи́тельница и снóва углубля́ется в кни́гу, а Ма́лыш начина́ет скрипéть гри́фелем.

Когда́ Ма́лыш уставáл писа́ть, учи́тельница чи-

¹ Аспидная, или грифельная, доска́ — доска́ разме́ром не́сколько бо́льше листа́ тетради, сде́ланная из твёрдого, чёрного́ цвета́ аспидного слáнца (ши́фера). На тако́й доске́ шко́льники писа́ли гри́фелем — пáлочкой из мя́гкого слáнца, — как ме́лом. Аспидная доска́ заме́няла до́рого сто́ившую тогда́ бума́гу.

тáла ему книжки, показывала картинки или рассказывала разные интересные истории. Малыш очень любил сказки про зверей. Некоторые так ему нравились, что он готов был слушать их по нескольку раз.

— Ну-ка, тетенька, расскажи мне ещё эту, про лисичку-то, как она волка обманула! Экая хитрячка! А волк-то дурак какой, даром что большущий! Ну, расскажи! — приставал он к Анне Михайловне.

— Будет, Малыш, я уже тебе десять раз рассказывала. Теперь ты мне расскажи.

— Да чего же я тебе расскажу? — Малыш призадумывался. — Постой, сейчас расскажу! Жил был старик со старухой, у них был четверик с осмьюхой...

Он останавливался и начинал чесать в затылке.

— Ну, — говорила Анна Михайловна, — дальше-то что?

— Ну, и нет ничего! Всё.

Анна Михайловна смеялась, а Малыш был очень доволен, что развеселил её своей сказкой.

Чаще всего он рассказывал ей о себе, о своей семье, о том, как они жили при бабе. При бабе-то им ещё ничего было, а когда он помер, лошадь продали, и не то что гостинцев — и хлеба-то нету.

При этих воспоминаниях Малыш затуманивался, и его большие ясные глаза становились печальны, как у большого. Но Анна Михайловна не давала ему задумываться.

— Ну, Малыш, ничего! — говорила она, ласково

поглаживая его по голове. — Вот вырастешь большо́й, и сам будешь как ба́тя.

Малыш оживлялся:

— Как вырасту большо́й, сейчас ло́шадь куплю! Паха́ть сам бу́ду. Хоро́шую ло́шадь куплю — гнеду́ю. А коро́ву ты на́шу видала?

— Нет, не видала.

— Вот я тебе её покажу́, когда к нам придёшь. Её Лы́ской зову́т. У неё лы́синка на лбу, оттого́ она́ и Лы́ска. Я коро́ву люблю́... Её нельзя́ бить-то — она́ корми́лица.

— Никого́ не на́до бить, Малыш.

— Я не ста́ну бить. Я как вырасту большо́й, бу́ду до́брый, как ба́тя. Избу́ но́вую в́строю, что́бы свё́тлая была́, вот как шко́ла на́ша. Потом́ всем гости́нцев накуплю́, ма́мушке шу́бу но́вую сошью́, се́страм — сарафа́ны, а Дуны́тке пря́ников куплю́. И тебе́ гости́нцев то́же куплю́.

— Ну, вот спаси́бо, Малыш, что и меня́ не забы́л!

— А то как же! Я тебя́ люблю́. Вот как избу́ но́вую пострóим, ты тогда́ к нам жить переходи́.

— Хорошо́. А шко́ла как же?

— А в шко́лу мы на ло́шади е́здить бу́дем. Ведь тогда́ у нас ло́шадь бу́дет!

В таки́х разгово́рах проходил́ в́ечер. По́сле у́жина глаза́ Малыша́ начина́ли слипа́ться, и он незаме́тно засыпа́л у пёчки, сверну́вшись кала́чиком ря́дом с Жучко́й. Анна Миха́йловна со́нного переноси́ла его́ на постель, а Жучка, подобра́в оста́тки у́жина, отпра́влялась на у́лицу карау́лить шко́лу, и всю ночь под о́кнами слы́шался её звóнкий лай.

VI

Однако как ни хорошо было Малышу в школе, и тепло, и сытно, и Анна Михайловна сказки рассказывает, а всё-таки он начинал скучать о своих, если мороз задерживал его у учительницы на несколько дней.

Часто по вечерам, сидя за аспидной доской, он вдруг поднимал голову и начинал прислушиваться к завыванию ветра. Потом вздыхал и задумывался, пристально глядя на лампу.

— Ты что, Малыш, задумался? — спрашивала учительница.

— Что-то теперь наши делают? — отвечал Малыш. — Холодно небось у них, страшно... без меня-то...

— Ну, чего же страшно?

— А как же... Ну как вдруг волки?

— Волки в избу не полезут.

— А разбойники?

— Ну, какие разбойники! У нас в селе их нет.

— А всё-таки им со мной веселее. Всё-таки я мужик!

— Ах ты, мужик! — смеялась Анна Михайловна. — Ну-ка, давай поборемся, кто кого одолеет!

Но эти шутки не веселили Малыша. Спустившись на пол, он садился около Жучки, обнимал её косматую шею и начинал с ней тихонько разговаривать:

— Жучка, а Жучка! Хочешь домой, Жучка? Хорошо у нас дома-то, а? Небось мамушка прядёт, Анютка тоже прядёт, Машутка Дунятку качает... А Лыске небось холодно-холодно... Ревёт Лыска. Может, они нынче не ели ничего, Жучка, а? А мамушка небось соскучилась об нас, говорит: «И где мой Федюнька?»

На глазах у него навёртывались слёзы, а Жучка, чувствуя, что маленький хозяин невесел, начинала тихонько повизгивать и лизать его в лицо.

— А что, Малыш, соскучился, верно? — спрашивала Анна Михайловна, слушая эти разговоры.

Малыш немно́го конфу́зился и, что́бы не обидеть учи́тельницу, отвечáл:

— Не... ничегó... А вот ма́мушка небóсь соскучилась...

— Ну что ж, вот за́втра пойдёшь к ней, повидáешься! — старáлась успоко́бить его́ учи́тельница.

От э́тих слов Малыш веселéл, а на друго́й день, как то́лько конча́лось учёнье, он отпра́влялся до́мой, непременно́ с ка́ким-нибудь госты́нцем за па́зухой. Переночевáв у сво́их, он возвращáлся в шкóлу весёлый и рассказывал Анне Миха́йловне рáзные но́вости: про во́лка, кото́рый у сосéда овцу́ загры́з, про Дуны́тку, про Лы́ску... И всё шло по-пре́жнему.

VII

Одна́жды у учи́тельницы пекли́ хлéбы. Ещё с утра́ Малыш всё толковáл о том, что пойдёт ны́нче до́мой, а когда́ сели́ обе́дать и на столе́ появи́лись аппети́тные ломти́ горя́чего хлéба, от кото́рого шёл души́стый пар, он решите́льно заяв́ил:

— Тёте́нка, я ма́мушке горя́ченького хлéбца отнесу́! Мо́жно?

— Ну что ж, — сказа́ла Анна Миха́йловна, — вот пообе́даем, и пойдёшь.

Но не успе́ли они́ ещё и ка́шу дое́сть, как повали́л снег, да тако́й густо́й, что в шкóле сра́зу потемне́ло, бу́дто су́мерки.

— Ох, Малыш! — произнесла́ учи́тельница. — Поглядí-ка в окно́, как ты пойдёшь?

Малыш опечáлился и да́же ло́жку положи́л.

— Нет, тётенька, я уж пойду́! — сказа́л он умоляющим го́лосом. — Небо́сь я доро́гу-то зна́ю!

Анне Миха́йловне о́чень не хотело́сь отпуска́ть Малыша́ в такую́ пого́ду, но он так гляде́л на неё, так проси́л отпусти́ть его́, что она́ не могла́ ему́ отказа́ть.

Она́ уку́тала Малыша́, обвяза́ла тёплым платко́м, положи́ла ему́ за па́зуху хлеба́, и он отпра́вился. Жучка побежа́ла за ним, и оба́ исчезли в вихре́ бе́лых снежи́нок, крути́вшихся в во́здухе.

Анна Миха́йловна, проводи́в Малыша́, верну́лась в шко́лу и се́ла бы́ло чита́ть. Но ей не чита́лось: она́ всё ду́мала о Малыше́ и беспреста́нно подходи́ла к окну́. На у́лице разыгра́лась настоя́щая мете́ль. Не́бо совсе́м слило́сь с землёю, доро́гу замело́, и сквозь вой вётра́ чуть-чу́ть доно́сились уны́лые зву́ки ко́локола, в кото́рый звони́ли для то́го, что́бы прое́зжие и прохо́жие, засти́гнутые метелью́ в по́ле, не заблуди́лись. Потом́ нача́ло бы́стро темне́ть.

«Ах, и заче́м я его́ отпусти́ла? — в беспокóйстве ду́мала Анна Миха́йловна. — Или́ хоть бы́ сама́ с ним пошла́... Куда́ тако́му малышу́ дойти́!»

Наконе́ц она́ не вы́терпела, оде́лась потепле́е и вы́шла на у́лицу. Но на поро́ге глаза́ ей засы́пало сне́гом, а вётер чуть́ не сбил с ног. Идти́ одно́й бы́ло невозмо́жно. Она́ зашла́ к сосе́дке, рассказа́ла ей, в че́м де́ло, и попроси́ла ко́го-нибу́дь проводи́ть

её до Федосьиной избы. Вызвался сын соседки, Иван. Он живо оделся, взял палку от собак, зажег фонарь, и они вышли. Но едва только они отворили дверь, как порывом ветра задумо фонарь, и они очутились в темноте. Снег валит хлопьями. Огоньки в избах чуть-чуть брезжили сквозь метель. Иван пошел вперед, ощупывая палкой дорогу; Анна Михайловна — за ним. Идти было трудно: дорогу замело, и они беспрестанно проваливались в глубокий, рыхлый снег.

Наконец кое-как добрались до Федосьиной избышки и постучались. Им отворила сама Федосья, удивленная и испуганная.

— А Малыш где? — спросила Анна Михайловна, вбегая в избу и оглядываясь.

— Малыш? — сказала Федосья, побледнев. — Да он, как вчера в школу ушел, с той поры и не приходил...

Анна Михайловна от ужаса не могла слова выговорить и без сил опустилась на лавку. Федосья глядела на нее во все глаза и бледнела все больше и больше. Вдруг она все поняла, ударилась головой о стол и зарыдала. Дети, гревшиеся на печи, тоже подняли крик.

Анна Михайловна опомнилась.

— Что же теперь делать? — проговорила она, вся дрожа, как в лихорадке. — Иван, пойдём... соберём соседей. Искать надо...

Иван побежал к соседям. Никто еще не спал, и в Федосьину избу стал собираться народ. Все охали, жалели Малыша, утешали Федосью. Но она, обе-

зүмев от гóря, не слүшала никакїх утешенїй и, броса́ясь от одногó к другóму, падала на колéни и причитáла:

— Родїменькїе!.. Голубчкїи!.. Пожалейте вы меня, бедную... Сынóчек... Федю́нька... одїн ведь у меня он... Отыщїте вы егó... Батюшки мой!

— Да где же егó теперь найдёшь? — сказа́л кто-то. — Ишь ведь метёт, зги не вїдно... Свалїлся небóсь гдé-нибудь в овра́ге и засты́л — мно́го ли ему́ ну́жно? Ника́к невозмо́жно найтї.

Анна Миха́йловна заплакала, а Федóсья замертво упáла на́ пол.

Сосéдки брóсились брызгать на неё водо́й, а мужикї стоя́ли, столпївшись у дверей, и мра́чно смотре́ли на несча́стную жéнщину.

— Жáлко Малыша́!.. Пропáл ма́лый... Эдакая выю́га! Большо́й — и то собьётся с дорóги, — перешёптывались онї.

Вдруг в избú, весь заметённый снéгом, запыхáвшись, вбежа́л ма́льчик лет четы́рнадцати, сын сосéда Федóсьи, и взволно́ванно сказа́л:

— На гумна́х соба́ка какáя-то вóет... Так и вóет, так и вóет... Страсть!

— Какáя соба́ка? Чегó ты врёшь? — послышались голоса́.

— Пра́во, вóет... Я уж давно́ слышал, да думал — это волк... А она́ всё вóет. Как вéтром с гумна́ подúет, так и слышно...

— Постóй, да не Жучка ли это? — крикнул кто-то радóстно.

— Мóжет, Жўчка... Ведь она́ с ним была́!

— Это Жўчка, Жўчка! — заговори́ла Анна Ми-хайловна, вска́кивая. — Пойдёмте, пойдёмте скорее́! Жўчка! Она́ с ним ушла́... Пойдёмте!..

Нарóд гурьбóй повали́л из избы́. Мужики́ взяли лопáты, за́ступы, фонари́.

А вью́га всё свирепе́ла. Снег слепи́л глаза́, ве́тер заглуша́л голоса́.

Выйдя на у́лицу, все прислу́шались. Ничего́...

— Сенька, где соба́ка-то во́ет? Ничего́ не слы́шно...

— Пра́во, была́... — уверя́л Сенька, вертя́ голо-во́й во все сто́роны. — Вы постóйте, слу́шайте. Стой! Вон она́... вон она́...

Все за́мерли. И действите́льно, сквозь завыва́ния ве́тра со стороны́ гумна́ до них донёсся вой, жа́лоб-ный, протя́жный и печа́льный.

— Ребя́та, идём! — скомáндовал Ива́н.

И все пошли́ по направле́нию во́я.

Шли о́чень до́лго. Но́ги вьзли в снегу́, иногда́ кто-нибудь па́дал; фонари́ задува́ло ве́тром. Вой иногда́ слы́шался как бу́дто совсе́м где-то бли́зко, а иногда́ его́ относило́ ве́тром в сто́рону, и тогда́ все оста-навливались и прислу́шивались, что́бы не сб́иться. Но вот надвину́лось что́-то о́громное, те́мное... Это была́ скирда́ хле́ба... И вой разда́лся совсе́м-совсе́м бли́зко...

— А ведь, ника́к, и впра́вду это Жўчка! — сказа́л кто́-то ра́достно. — Стой, ребя́та!.. Слу́шай...

Все остано́вились. С мину́ту всё бы́ло ти́хо, слы́-

шалось только тяжёлое дыхание людей... И потом опять жальный и протяжный вой.

— Жучка, Жучка! — закричала Анна Михайловна.

Вой прекратился. От скирды отделился какой-то тёмный комок и с визгом бросился к людям. Действительно, это была она, лохматая, неказистая Жучка. Она кидалась то к тому, то к другому, визжала, лизала всем руки и опять возвращалась к скирде. Народ рассыпался вокруг скирды и начал обшаривать её.

— Здесь... Нашёл! — послышался звонкий гóлос Сёньки.

Все брóсились на его́ крик и на́чали лопáтами и рука́ми разгребáть снёжный хóлмик, котóрый вью́га уже́ успéла насы́пать над Малышóм. Жучка с визгом и ла́ем помогáла лю́дям ла́пами и мóрдой. Наконéц Малышá отры́ли.

Мáльчик сидёл, прислонíвшись спиной к скирдé, и спал мёртвым сном, крéпко прижа́в к груди́ зако́ченёвшие ру́ки...

Его́ по́дняли и понесли́. Федóсья уже́ ждалá их на поро́ге и с кри́ком брóсилась навстрéчу.

— Постóй! — остано́вил её Ива́н. — Его́ оттира́ть на́до... Мо́жет, ещё́ жив. Раздева́й его́, ребята!..

Малышá положи́ли в сеня́х на соло́ме, раздели́ли и ста́ли оттира́ть снёгом. Осóбенно старáлся Ива́н; пот с него́ так и кати́лся гра́дом.

Вдруг он остано́вился, с улы́бкой поглядéл во́круг себя́ и произнёс:

— Отхо́дит... Тёплый́ стал... и ру́ки разгиба́ются.

Все окружи́ли Малышá. Федóсья запла́кала.

— Ну, чего́ же ты пла́чешь? — доброду́шно сказа́л Ива́н. — Ра́доваться на́до, а ты во́ешь. Неси́-ка лу́чше шу́бу...

Федóсья побежа́ла за шу́бой. Услы́шав, что Малыш оживáет, сестрёнки его́ по́дняли крик и вы́скочили в сéни. Мёжду тем Малыш вздохну́л — и раз, и друго́й, и трéтий... Жучка подняла́ визг и брóсилась его́ лизáть. А Малыш вздохну́л ещё́ раз и, откры́в гла́за, с удивлénием осмо́трéлся, не понимáя,

где он и что с ним. Но, увидев плачущую мать, он вдруг улыбнулся, попробовал подняться и едва слышно прошептал: «Мамушка... не плачь... я тебе хлебца... горяченького...»

ДЛЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

*Валентина Ивовна
Дмитриева*

МАЛЫШ И ЖУЧКА

Рассказ

Ответственный редактор

Г. В. Кузнецова

Художественный редактор

Е. М. Ларская

Технический редактор

Н. Д. Лаукус

Корректор

Л. М. Агафонова

Сдано в набор 17/VI 1976 г. Подписано к печати 23/XI 1976 г. Формат 60×90/16. Бум. типогр. № 2. Усл. печ. л. 2. Уч.-изд. л. 1,18. Тираж 150 000 экз. Заказ № 262. Цена 6 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата Совета Министров РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

Дмитриева В. И.

Д53 Малыш и Жучка. Рассказ. Рис. О. Демидовой.
М., «Дет. лит.», 1977.

31 с. с ил. (Школьная б-ка для нерусских школ).

Рассказ о жизни крестьянского мальчика Малыша, написанный в 1896 году.

Д 70802—004
М101(03)77 457—77

Р2

Цена 6 коп.